

Глава 41. Деревня Цзюаньлоу 06

Честно говоря, потому что восприятие Мин Чжаолия острее его собственного, Лу Хуэй на полсекунды и впрямь испугался, прежде чем осознал, что Мин Чжаолинь имел в виду: их нынешнее местоположение находится в поле зрения «овцы». Кто знает, что это за существо, или, может, за ними кто-то следит.

Лу Хуэй помолчал несколько секунд, а потом глубоко вздохнул от досады:

— Говоришь так, будто они мне ответят.

Мин Чжаолинь лениво усмехнулся.

Лу Хуэй вернул ему фотографию:

— Можешь откланяться. Императору надобно отдохнуть.

Мин Чжаолинь знал этот оборот — Лу Хуэй проходил инстанс с историческим, императорским антуражем.

Любой другой, осмелившийся так с ним заговорить, давно бы лишился языка. Но Лу Хуэй...

Не то чтобы он слишком поражал его неожиданными поступками, не то чтобы Мин Чжаолиню просто нравилось на него смотреть — или, может, дело в том, что по отношению к «Цзюнь Чаоманю» он с самого начала испытывал какую-то непонятную, врождённую терпимость... В общем, Мин Чжаолинь лишь тихо фыркнул, забрал фото и развернулся, чтобы уйти.

— Заодно дверь прикрой. — бросил Лу Хуэй вслед.

Мин Чжаолинь обернулся. На этот раз Лу Хуэй был вежливее.

Он сложил ладони перед грудью и умоляюще заговорил:

— Ну пожалуйста, пожалуйста!

Мин Чжаолиню показалось, что этот человек — сплошная загадка.

Ни понять, ни разгадать.

Именно поэтому ему так и хочется разрезать его на части и посмотреть: действительно ли он человек? Действительно ли такой же, как все остальные?

Он всегда чувствовал, что «Цзюнь Чаомань» — не такой, как все.

Мин Чжаолинь машинально прикрыл за собой дверь.

— Э?

Лу Хуэй удивился, он не ожидал, что тот действительно закроет.

Неужели Мин Чжаолиню заходит такой подход?

Он же прописал его абсолютно несгибаемым — ни на лесть, ни на угрозы не поддаётся.

Снова пришло ощущение, будто всё выскользывает из-под контроля. Лу Хуэй раздражённо выключил свет и лёг на кровать.

Как же бесит.

С тех пор как он попал сюда, даже самый проработанный, самый знакомый ему персонаж — тот, над которым он трудился дольше всего, — всё чаще совершает поступки, которых он от него не ждал.

Ладно, хватит думать.

Лу Хуэй закрыл глаза.

Всё равно это бесполезно.

Он тихо вздохнул.

Пусть это и его собственный роман, но все персонажи здесь уже обрели собственную жизнь.

Перо больше не в его руках. Он утратил право управлять ими.

.

Этой ночью больше ничего не произошло. На следующее утро Лу Хуэй разбудил петушиный крик.

Только начало светать, а окрестные петухи уже орали во всё горло, поддерживаемые хором птиц. Спасть дальше было невозможно.

Лу Хуэй сел, выдохнул и подумал, что надо бы заработать побольше игровых монет — после этого инстанса ему срочно нужен будет полноценный сон.

Слишком шумно.

...Хотя если бы можно было переночевать в «доме» Мин Чжаолиня — было бы идеально.

Там невероятно тихо. Ведь в Утопии — а точнее, в Небесном Городе, где живут только игроки из ядра — никто не осмеливается селиться рядом с Мин Чжаолинем.

А уж он сам, убивая без разбора, накопил столько игровых монет, что живёт в самом престижном районе Утопии — там, где по-настоящему спокойно.

Ах...

В который раз он пожалел, что наделил Мин Чжаолиня именно таким характером. Будь тот хоть немного добрее — Лу Хуэй после первого же инстанса устроился бы там как тайшанхуан* — беззаботный повелитель, наслаждающийся жизнью.

* 太上皇 (tàishànghuáng) — буквально «Верховный Император» или «Император-отец», исторический титул для отрёкшегося императора, живущего в покое и роскоши. В разговорной речи используется как метафора для «бездельника на золотом троне», пользующегося всеми благами без ответственности.

Лу Хуэй размял тело, умылся и тщательно, по несколько раз, вымыл руки, прежде чем открыть дверь.

Едва он вышел, как увидел, Мин Чжаолинь и Яо Хаохао стоявших рядом.

На лице Мин Чжаолиня не было ничего особенного — как всегда спокойное, чуть отстранённое выражение, уголки губ едва заметно приподняты, где-то между улыбкой и презрением. Его миндалевидные глаза слегка прищурены, и, если не всматриваться, и не заметишь, что в них застыла абсолютная пустота. Так смотрит божество войны на муравьёв под ногами.

Удивительно.

Им вдвоём даже разговаривать не должно быть легко.

Услышав шорох, они одновременно повернулись к нему.

— Что случилось? — спросил Лу Хуэй.

— Староста готовит нам завтрак. — ответила Яо Хаохао.

— И? — не понял Лу Хуэй.

Кто научил Яо Хаохао говорить, как будто зубную пасту выдавливают?

Яо Хаохао прикусила губу:

— ...Там есть ломтики мяса.

Она тихо добавила:

— Я мимо проходила — очень сильно пахло бараниной.

Лу Хуэй мгновенно замолчал.

После короткой паузы он сказал:

— У тебя есть хлеб или что-нибудь ещё? У меня в рюкзаке осталось, могу поделиться.

Отношение Яо Хаохао к Лу Хуэю чуть-чуть улучшилось. Хотя она и не знала, притворяется он или нет, но, честно говоря, у него и не было причин с ней лицемерить.

— Ничего, у меня тоже есть еда в рюкзаке. — ответила она.

В этот момент вышел и Ци Бай. Яо Хаохао вкратце повторила ему всё то же самое — и ещё Ло Е с остальными.

Пусть даже кто-то из них и скрывал что-то, врагами становиться не стоило.

Всё равно они сейчас были союзниками.

Лу Хуэй не стал её останавливать.

Хотя он понимал, что, если кто-то ночью окажется в беде, шансов на честный ответ станет ещё меньше. Некоторые, почувствовав, что им не выжить, предпочитают утащить всех остальных за собой в пропасть.

Но Лу Хуэй не мог требовать от каждого быть святым и самоотверженным.

К тому же есть же Ци Бай.

Кстати... до сих пор непонятно, какая у Яо Хаохао способность.

Она — персонаж, которого он никогда не писал и даже не задумывал. Поэтому о её умениях он ничего не знал.

Но спрашивать не стал. Отказавшись от приглашения Ян Цяньфая на завтрак, Лу Хуэй зажал в зубах сухарь и невнятно бросил Мин Чжаолиню:

— Пойдём?

Мин Чжаолинь понял, куда тот направляется, и сам собирался туда же. Он кивнул:

— Можно.

Лу Хуэй быстро доел сухой паёк, мысленно отметив: «Да это же не еда, а кошмар какой-то», — и сделал большой глоток воды. Он оставил Ци Бая и Яо Хаохао в доме, а сам отправился в путь вместе с Мин Чжаолинем.

Лу Хуэй помнил, в каких домах могут жить молодые люди. Он размышлял, как бы выманить кого-нибудь на улицу, но не успели они пройти и нескольких шагов, как прямо навстречу им вышел парень лет двадцати с небольшим.

Увидев Лу Хуэя и, особенно, Мин Чжаолиня — беззаботно расслабленного, будто он не в жуткой деревне, а на скучной прогулке, и даже, кажется, недовольного выбором места для отдыха, — парень побледнел.

Лу Хуэй чуть замедлился. Но в ту же секунду Мин Чжаолинь, словно ураган, метнулся вперёд. Парень сообразил, что нужно бежать, лишь спустя несколько секунд.

Но его скорость по сравнению с Мин Чжаолинем... Он успел сделать всего два шага, как тот уже, сдержав силу, вдавил его в стену.

Лу Хуэй остановился.

Видок у парня был не очень. Мин Чжаолинь одной рукой крепко прижимал его голову к стене, так что видно было лишь половину его лица. Сила, с которой его прижимали была огромной, так что он даже пошевелиться не мог.

И всё же... Мин Чжаолинь в этот момент выглядел чертовски эффектно.

Его длинные волосы колыхались на утреннем ветру, уголки губ по-прежнему изогнуты в неуловимой усмешке. Из-за разницы в росте он смотрел сверху-вниз, и его миндалевидные глаза — обычно такие соблазнительные — сейчас были полны ледяного пренебрежения, а не обещанной многими «страстной нежности».

Любой, увидев это, не усомнился бы, что в следующую секунду он раздавит череп этого парня.

Лу Хуэй неторопливо подошёл ближе и услышал, как Мин Чжаолинь тихо фыркнул:

— Зачем убегаешь? Узнал меня?

Он обхватил голову парня большим пальцем и мизинцем чуть ниже затылка, прямо на сочленение шеи и черепа. От этого у парня лицо налилось красным, и он начал задыхаться.

У Мин Чжаолиня была такая огромная ладонь, что почти полностью обхватывала шею парня.

— Я спрашиваю — ты отвечаешь. — спокойно произнёс Мин Чжаолинь.

Он упёр носок ботинка в подколенную ямку парня:

— Солжётся — сломаю ногу.

Он улыбнулся. На этот раз даже глаза его прищурились, а в зрачках вспыхнуло безумие — пугающее, с ноткой восторга:

— Интересно, что будет, если я переломаю тебе все четыре конечности, вырву язык и брошу тебя здесь?

Парень с самого первого взгляда на Мин Чжаолиня онемел от ужаса. А когда его прижали к стене, он, не будь он скован, наверняка упал бы на колени.

Весь красный, задыхающийся от страха и боли, он еле выдавил сквозь слёзы:

— Я... я... спрашивайте... господин...

Мин Чжаолинь слегка надавил на икры и почти ласково спросил:

— Игрок?

Парень поспешно кивнул.

— Какая у тебя роль?

Парень с трудом прохрипел:

— Дер... деревенский... житель...

Мин Чжаолинь насмешливо фыркнул и, явно раздражённый, сильнее надавил ногой:

— Не тяни резину, а говори всё сразу.

Парень вскрикнул от боли, нахмурился и, всхлипывая, выдавил:

— Я... я местный житель. Меня ещё в детстве отправили учиться в другой город, а потом... сегодня... нет, вчера родители сказали, что произошло что-то важное, и велели вернуться. Я так и сделал... Ещё... ещё, кажется, это как-то связано с Запретной зоной.

Лу Хуэй приподнял бровь:

— Запретная зона?

Этот игрок даже не разглядел лица Лу Хуэя — его полностью парализовал страх перед Мин Чжаолинем. Но он понимал, что Лу Хуэй был вместе с ним и явно не боится его, а значит, скорее всего, он из той же «породы». Поэтому, услышав вопрос, он тут же зачастил в ответ:

— Да, да! Запретная зона, именно так!

Он был в панике, лихорадочно пытаясь вспомнить те скудные сведения, которые ещё не успел толком переварить:

— В деревне есть Запретная зона — туда даже староста и прочие жители не смеют заходить! Только шаманка ходит туда каждый день ровно в полдень. Говорят, там поклоняются... «Тому Самому». Кто такой «Тот Самый» — я не знаю, и сам туда ещё ни разу не ходил.

Лу Хуэю в голову пришла та самая крыша с изогнутыми карнизами, мелькнувшая в тумане.

Мин Чжаолинь ледяным тоном спокойно произнёс:

— Что ещё?

Его тон был настолько ледяным и пронизывающим, что создавалось стойкое впечатление, что он думает, будто ты что-то скрываешь.

У игрока просто сдали нервы. Он поднял руки и начал горячо клясться:

— Нет, нет! Клянусь! Я и вправду знаю только это, больше ничего... Правда-правда!

Лу Хуэй смотрел на всё это и про себя тяжело вздохнул.

Когда писал роман, казалось, что такой персонаж офигенно крут. А теперь, столкнувшись с ним лицом к лицу, он наконец осознал, насколько опасен и жуток на самом деле характер Мин Чжаолиня.

Но... именно такой характер и даёт преимущество в этом мире, где все друг друга грызут.

Он очень завидовал ему. Ему самому хотелось стать таким, как Мин Чжаолинь.

Пусть это и плохо.

Но в определённых ситуациях — это просто беспроегрышный козырь.

Мин Чжаолинь чуть приподнял уголок губ:

— Тогда следующий вопрос.

Его голос прозвучал нейтрально:

— Вы сознательно избегаете нас, «чужаков»?

Игрок открыл рот, но разум подсказывал молчать. Однако страх заставил его заговорить:

— Да... да...

Лу Хуэй приподнял бровь.

— Система не при чём. — поспешно добавил игрок.

Он глубоко вдохнул:

— Мне это сказали мои... родные. Они говорили, что сегодня... то есть вчера... именно в этот день обычно появляются чужаки, и велели нам держаться подальше.

Лу Хуэй удивился:

— В этот день?

— Ты имеешь в виду двадцать седьмое апреля? — уточнил он.

— Да, именно двадцать седьмое! — воскликнул игрок.

Он старался собраться и вспомнить все детали:

— Нас просили по возможности не попадаться вам на глаза... А ещё вчера всех нас собрали вместе и устроили совместный ужин.

— Что ели? — спросил Лу Хуэй. — Мясо? «Бу сянь ян»?

Игрок растерялся:

— Что за «Бу сянь ян»?.. Но мясо действительно было. На вкус было вполне... хотя какое-то непривычное. Ещё провели какой-то обряд, но мы ничего не поняли, велели закрыть глаза, а кто-то ещё и уши зажал. Я смутно слышал, будто кто-то плакал, но слов разобрать не смог.

— Скорее, будто пели что-то. — уточнил он.

Лу Хуэй задумался:

— Сколько вас, «местных жителей», вообще?

Игрок сосредоточенно подумал:

— Шесть! Нас шестеро!

Шесть?

Лу Хуэй нахмурился.

Почему именно шесть?

Мин Чжаолинь, думавший о том же самом, встретился с ним взглядом. В глазах обоих мелькнуло недоумение.

Мин Чжаолинь усилил давление ногой, провёл языком по острому клыку и холодно, с налётом жестокости произнёс:

— Ты лучше подумай хорошенько.

— Честно! Честно, нас всего шесть! — игрок снова завыл, почти хватая Мин Чжаолиня за ноги,
— Брат, дружище, умоляю... поверь мне! Игроков я видел только шестерых!

Лу Хуэй слегка дёрнул Мин Чжаолиня за рукав:

— Возможно, их и вправду только шестеро.

Мин Чжаолинь, прищурившись, глянул на него.

Любой другой решил бы, что тому не понравилось, что его тронули. Но Лу Хуэй знал, что он просто обдумывает.

Ведь Лу Хуэй уже говорил, что у его персонажа нет ровно никакой связи с деревней Цзюаньлоу, он просто «весёлый, жизнерадостный парень». Если их догадка верна, то «Бу сянь ян» — это женщина, которую когда-то в деревне зажарили и съели. Из-за накопившейся злобы она и превратилась в «Того Самого», начав мстить. Чтобы избежать расплаты, детей из деревни высылали прочь. Но из-за крови предков они не могли сбежать от «проклятия» и в итоге возвращались сюда.

Зачем они возвращаются?

Потому что двадцать седьмого апреля в деревню приходят чужаки... и происходит обмен жизнями?

Вот такую теорию выдвинули Лу Хуэй с Мин Чжаолинем.

Но по этой логике в лагере «коренных жителей» должно быть восемь игроков. А их всего шестеро.

И при этом уже известно, что Мин Чжаолинь, Яо Хаохао и Ци Бай так или иначе связаны с деревней. Значит, есть два варианта.

Первый: таких «весёлых жизнерадостных парней», как Лу Хуэй, двое — у них нет особого статуса, они не связаны с деревней и не подлежат «замене». Второй: такой «парень» только один, и потому что их было шестеро, у них тоже было шестеро

Или... игроки в лагере «местных жителей».

То есть изначально всё и было рассчитано на шестерых против шестерых.

Если верен второй вариант — тогда этот инстанс становится ещё интереснее.

Потому что Лу Хуэй не верил, что в его мире, при написании сюжета, в одной из команд ввели бы совершенно бесполезного персонажа без какой-либо роли, особенно если в эту же команду уже внедрён предатель.

Мин Чжаолинь посмотрел на парня под ногой и спокойно спросил:

— Среди ваших игроков есть кто-то, кого я знаю?

Лу Хуэй вынырнул из раздумий и тихо заметил:

— Ты неправильно ставишь вопрос.

Он объяснил Мин Чжаолиню:

— Надо спрашивать, есть ли среди них тот, кого знает он.

Ведь другие игроки наверняка думают, что Мин Чжаолинь почти никого не знает.

Парень ошарашенно замер: во-первых, он никак не ожидал, что кто-то осмелится так разговаривать с этим психом — неужели это босс из ядра? Неужели в этот инстанс зашли даже игроки из ядра? Тогда насколько же он сложный... А во-вторых — он не знал, что ответить.

— Наверное... нет? — робко сказал он. — Мы друг друга почти не знаем, и среди нас нет никого из рейтинга.

Так вот оно что.

Лу Хуэй нахмурился.

Неужели Цзян Ципэн и вправду просто NPC?

Раньше он не задумывался, но теперь, когда точно известно о двух лагерях, Цзян Ципэн показался ему подозрительным.

Однако Цзян Ципэн никак не отреагировал на появление Мин Чжаолия.

...Если Цзян Ципэн тоже игрок — возможно, даже из ядра — и просто притворяется, или если он не участвовал во вчерашнем «обряде», тогда у них всё ещё семь человек. В таком случае у них может быть аналог Лу Хуэя, а может, и нет — тогда среди нас по-прежнему есть предатель.

Лу Хуэй глубоко выдохнул:

— Вы представлялись друг другу? Был ли среди вас Цзян Ципэн?

Игрок без колебаний ответил:

— Был! Был! Но он не игрок... Он... он из деревни.

Он добавил:

— Кроме Цзян Ципэна, есть ещё трое NPC, примерно нашего возраста...

Это заявление сразу разрушило все догадки Лу Хуэя и Мин Чжаолия.

Но они не впали в отчаяние, лишь на миг замолчали.

Если Цзян Ципэн и ещё трое — действительно NPC, то суть не меняется: всё равно получается шестеро. А в схватках между лагерями игра всегда соблюдает баланс по численности — это негласное правило всего игрового мира.

Лу Хуэй спросил:

— Почему ты так уверен, что они NPC, а не игроки?

Теперь парень готов был ответить на любой вопрос, даже если бы его спросили, во сколько месяцев он отказался от грудного молока. Он напрягся и выпалил:

— У меня способность... «Зеркало разоблачения нечисти». Уровень пока низкий, но она позволяет отличать игроков от NPC.

Звучит, конечно, не очень впечатляюще, но Лу Хуэй, как автор этого мира, отлично понимал, насколько такая способность на самом деле ценна.

Он бросил взгляд на Мин Чжаолиня — и, как и ожидал, увидел, как тот чуть приподнял бровь.

Его заинтересовала эта способность.

Значит, Цзян Ципэн и вправду игрок?

В душе у Лу Хуэя всё ещё оставались сомнения.

Дело было не в чём-то другом — просто... Цзян Ципэн всё время вызывал у него странное, неуловимое чувство знакомости.

Будто бы они уже где-то встречались.

Хотя ни лицо его, ни само имя Лу Хуэю совершенно не были знакомы.

Спорить с этим было бесполезно. Лу Хуэй потёр переносицу. Тем временем Мин Чжаолинь, стоявший неподалёку, снова спросил:

— Знаешь, где находится Запретная зона?

Парень торопливо закивал:

— Знаю! Знаю! Я точно знаю! Только... я не могу объяснить словами. Могу довести вас до входа, но дальше вы всё равно не пройдёте, там сейчас сплошной туман.

Мин Чжаолинь отпустил его и пнул ногой:

— Веди.

Парень даже злиться не смел, не то что возражать.

Он поспешно потёр покрасневшее от вжимания в стену лицо. Когда пальцы коснулись содранной кожи, он тихо зашипел от боли, но шаг не сбавил и ловко и быстро повёл Лу Хуэя и Мин Чжаолиня по запутанным тропинкам деревни.

Лу Хуэй заметил:

— Ты, однако, неплохо знаешь местность.

Парень пояснил:

— Когда я здесь оказался, карта местности сама собой всплыла у меня в голове.

Это была временная память, которую инстанс подгружал игрокам в соответствии с их ролями, — на игровом жаргоне это называлось «БАФФ персонажа».

Похоже, этот инстанс был продуман до мелочей.

Лу Хуэй подумал: значит, и этот туман, скорее всего, здесь не просто так.

Чтобы добраться до Запретной зоны, им пришлось пересечь узкий однобокий мостик. Парень шёл очень осторожно, и Лу Хуэй с Мин Чжаолинем не торопили его.

Однако... Лу Хуэй подумал про себя: неизвестно, не спугнули ли они кого уже по дороге.

Он мысленно выстраивал маршрут и, наконец, понял, что они вышли к «ступне» — именно к тому месту, что на схеме деревни соответствовало острию копыта «двуногой овцы». Тут парень указал вперёд, туда, где дорогу плотно окутывал белый туман:

— Вот здесь. Говорят, отсюда только одна тропа ведёт вверх — идёшь до самого конца, и попадаешь прямо туда.

Он украдкой глянул на Мин Чжаолиня, явно боясь, что тот не поверит:

— Я... я клянусь! Больше я ничего не знаю! Я ведь только вчера сюда попал, даже сам туда ещё не успел сходить... Да и нам строго запрещено туда ходить. Я не знаю, что происходит в деревне, но нарушать запрет боюсь.

Лу Хуэй вовсе не сомневался в нём, и просто задумчиво смотрел в указанном направлении.

Если они не свернут с пути, то именно там и должна находиться та самая крыша с изогнутыми карнизами, что он мельком увидел в тумане.

Вот это уже интересно, — подумал Лу Хуэй.

После того как Лу Хуэй пригрозил игроку, что тому не стоит рассказывать кому-либо об их встрече, они отпустили его.

На самом деле Мин Чжаолинь собирался просто прикончить парня, ведь теперь почти наверняка было ясно, что они из разных лагерей. Но когда игрок вдруг рухнул на колени, Лу Хуэй окликнул его:

— Мин Чжаолинь.

Мин Чжаолинь чуть приподнял бровь, уголки губ слегка приподнялись, но в глазах не было и тени тепла:

— Хочешь, чтобы я его отпустил?

Лу Хуэй ответил:

— Убивать его нет смысла, разве нет?

Мин Чжаолинь засмеялся, будто услышал что-то забавное:

— А-Мань, ты теперь мне приказывать вздумал?

Лу Хуэй на миг замер — и тут же Мин Чжаолинь ехидно добавил:

— Кстати, помнишь, ты проиграл пари и должен мне одно желание?

Это пари относилось ещё к инстансу «Правила санатория», где они спорили, был ли болен персонаж под номером «13» изначально или нет. Лу Хуэй ставил на «нет», но в итоге выяснилось, что «13-й» с самого момента поступления в больницу страдал расщеплением личности, и одна из его личностей ошибочно считала себя врачом.

Лу Хуэй, конечно, не забыл:

— Хочешь использовать это желание сейчас?

— Пока нет. — ответил Мин Чжаолинь, и даже убрал нож, после чего лениво скользнул взглядом по игроку, с которого ручьями текли и пот, и слёзы, и с явным отвращением бросил:

— Убирайся.

Парень вытер лицо, поклонился Мин Чжаолиню в пояс — да ещё и Лу Хуэю — и, хоть и хотел поблагодарить того, не осмелился задерживаться. Только бросил на Лу Хуэя один влажный, благодарственный взгляд и бросился прочь, будто за ним гнались черти.

Лу Хуэй был слегка удивлён.

Он не ожидал, что Мин Чжаолинь так быстро отступит.

Думал, придётся долго спорить, чтобы спасти парня.

— Так почему ты... — Лу Хуэй посмотрел, как Мин Чжаолинь тянется к туману, — ...не используешь его?

— Не могу же я спрашивать у тебя что попало, да и желание должно быть в пределах твоих возможностей, — Мин Чжаолинь фыркнул. — Не могу придумать, чтобы бы ты мог для меня сделать.

Он задумчиво смотрел на густой туман:

— Странно, будто деревня окружена какой-то завесой, отделяющей её от тумана.

Граница между ними была слишком чёткой.

Лу Хуэй тоже это заметил.

Он не стал больше настаивать насчёт проигранного пари, и протянул руку к туману.

Воздух за завесой казался более влажным, холодным... и каким-то «тяжёлым». Было непонятно, иллюзия это или реальность.

Лу Хуэй убрал руку и потер пальцы.

На кончиках осталась едва уловимая влага.

Мин Чжаолинь обладал куда более острыми чувствами, поэтому Лу Хуэй спросил:

— Ты что-нибудь заметил?

Сегодня Мин Чжаолинь, видимо, принял что-то не то — или, может, после приступа безумия снова пришёл в себя, — но он спокойно ответил:

— Моё чутьё подсказывает мне, что там опасно.

Если уж сам Мин Чжаолинь говорит «опасно», значит, впереди точно не безопасно.

Лу Хуэй глубоко вдохнул:

— В этом инстансе ведь нет «бонуса новичка» — никакого БАФФа, снижающего силу босса вдвое.

Мин Чжаолинь приподнял бровь:

— А-Мань, ты что, боишься?

Лу Хуэй посмотрел на него, но не ответил.

Именно в этот момент перед ними снова появилась та самая старушка, что вчера предостерегала их.

Она стояла, заложив руки за спину, слегка сутулая, но не до карикатурной сгорбленности, как в кино, а просто с естественной сутулостью пожилого человека.

Старушка спокойно спросила:

— Что вы тут делаете, чужеземцы?

Лу Хуэй, зная, что Мин Чжаолинь наверняка скажет что-нибудь, что отпугнёт NPC, быстро опередил его:

— Бабуля, а когда этот туман рассеется? Мы хотим поскорее спуститься с гор, а он, похоже, с каждым часом гуще становится. Эх, здесь такая скукота...

Он пожаловался, как обычный человек:

— Ни связи, ни интернета, делать нечего — только и остаётся шляться туда-сюда. Бабуля, вам самим не скучно тут сидеть?

Старушка посмотрела на него. Казалось, она чуть улыбнулась — или, может, нет. Лицо её было так изборождено морщинами, что понять выражение было невозможно.

— Мы-то... привыкшие. — ответила она.

И добавила:

— Если тебе так скучно, зайди ко мне домой. Посиди, отдохни.

Да кто её знает, а не заманивает ли она их, подобно ведьме из сказки, заманивающую детей пряниками.

— У меня ещё остались игрушки, что оставил сын. Может, они тебе помогут развеять скуку.

С чего вдруг такая доброта?

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем одновременно заподозрили подвох, но оба также пришли к выводу, что старуха явно важная фигура, и, возможно, даже и есть та самая «шаманка».

Но если она и вправду «шаманка», тогда зачем она намекнула им, чтобы они не ели мясо?

Согласно их логике, «шаманка» почти наверняка на стороне деревенских. Если только она одна имеет право посещать Запретную зону, то её статус либо выше, чем у старосты, либо как минимум равен ему. Значит, в деревне она уважаемая и влиятельная персона. Если бы она была против ритуала «обмена жизней», она могла бы воспротивиться. А если ритуал устраивает её саму — или даже инициирован ею — зачем тогда предупреждать Лу Хуэя и Мин Чжаолиня?

...Неужели это какое-то странное «сострадание сильного к муравьям»?

Но Лу Хуэю это казалось маловероятным.

Если не это, остаются лишь два варианта.

Или они ошибаются в своих догадках, или неважно — едят они «Бу сянь ян» или нет, это никак не влияет на ритуал. Возможно, старуха просто хотела, чтобы они не мучились — например, чтобы не тошнило от осознания, что ели...

Во всяком случае, Лу Хуэй был убеждён, что положение этой старухи в деревне далеко не низкое.

Раз уж других дел нет, а зацепка сама идёт в руки, было бы глупо от неё отказываться. Поэтому они решительно последовали за старушкой.

Та шла не очень быстро, но и не шаркала ногами. По дороге Мин Чжаолинь локтем толкнул Лу Хуэя. Тот повернулся:

— ?

Мин Чжаолинь выглядел скучающим и безразличным, но губами беззвучно спросил:

— Не боишься, что это ловушка?

Лу Хуэй не понимал, почему тот так увлечённо ищет развлечения в нём самом, но тоже беззвучно ответил:

— Разве ты не со мной?

Мин Чжаолинь приподнял бровь, уголки губ тронула лёгкая усмешка, но в его миндалевидных глазах так и не мелькнуло ни капли тепла:

— Ты так уверен, что я тебя вытащу?

Лу Хуэй и в самом деле не боялся:

— Повторяю тебе ещё раз: на свете только я один знаю, откуда ты взялся.

Мин Чжаолинь лениво цокнул языком:

— Опять за старое? Не надоело?

Лу Хуэй чуть склонил голову:

— Главное — работает. Кому какое дело, надоело или нет? Ты думаешь, все такие, как ты?

Перепалка у них получилась короткой, и как раз к её окончанию, они и подошли к дому старушки.

Дом её стоял совсем близко к Запретной зоне. Это была самодельная постройка, ничем особо не отличающаяся от других в деревне. Дома по эту сторону моста вообще выглядели небогато, и у старухи тоже был дом из камня и кирпича — с одной стороны, вполне подходящий для единственной в деревне «шаманки», с другой — будто бы и не очень.

С одной стороны — потому что такая кладка всегда выглядела немного загадочно, с налётом чего-то древнего. С другой — потому что, по идее, у шаманки должно быть хоть чуть побогаче, раз уж она главная по духовным делам.

Но внутри было совсем бедно.

Стены даже не штукатурили. Мебель и утварь — старые до невозможности, так что казалось, стоит к ним прикоснуться — и они рассыплются в прах.

Однако всё было вычищено до блеска. Когда Лу Хуэй и Мин Чжаолинь вошли, на самодельном кресле-качалке мирно спала чёрная кошка.

Кошка, похоже, устроилась прямо в старой одежде хозяйки. Услышав шаги, она мгновенно распахнула глаза и уставилась на гостей настороженным, почти враждебным взглядом.

Глаза у неё были зелёно-золотые: золотое кольцо снаружи, а вокруг вертикального зрачка — изумрудно-зелёное. Необычайно красивые. Лу Хуэй невольно задержал на ней взгляд подольше.

Старушка заметила и спокойно пояснила:

— Не бойтесь, Черныш не царапается и не кусается. Просто очень бдительный.

Лу Хуэй улыбнулся:

— Я не боюсь кошек. Просто он мне показался очень милым.

Обычно в таких случаях разрешают погладить, но старуха неожиданно сказала:

— Черныша трогать нельзя. Не прикасайтесь к нему.

А главное, что она сказала «нельзя трогать», а не «не разрешаю трогать».

В этих словах явно крылось что-то большее.

Старушка добавила:

— Садитесь, будьте как дома. Я всё убрала, сейчас принесу.

Дом был одноэтажный и небольшой. Неизвестно, было ли это из-за нехватки денег при постройке или хозяйка просто никогда не собиралась жить здесь с большой семьёй, но гостиная получилась совсем крошечной — совсем не как в обычных сельских домах, где любят простор. И всё же в этой маленькой комнате чувствовался уют, несмотря на полумрак. Ничего жуткого или зловещего.

Мин Чжаолинь не церемонился, схватил первый попавшийся стул, даже не взглянув, как тот скрипит и качается под его весом, и тут же уселся.

Но ещё менее церемонным оказался Лу Хуэй, он спокойно начал бродить по «гостиной», будто осматривал будущий собственный дом.

Вчера они уже обследовали деревню и заходили на эту сторону, но тогда двери и окна дома были наглухо закрыты и заперты — заглянуть внутрь не удалось. Теперь же, наконец, увидели.

В отличие от других домов, где сразу бросался в глаза пустой алтарь с крышкой от гроба вместо иконы, у старухи алтаря не было. Неизвестно, спрятан ли он где-то внутри или его и вовсе нет.

Лу Хуэй остановился у окна, поднял руку и кончиками пальцев начал медленно водить по стеклу, следуя почти незаметному следу.

Старушка как раз вышла из глубины дома с коробкой в руках и застала его за этим занятием. Она замерла на месте, ошеломлённо глядя на него.

Мин Чжаолинь, молча наблюдавший за всем этим, чуть приподнял бровь и перевёл взгляд на Лу Хуэя.

Тот стоял у окна. Слабый свет снаружи ложился на него сквозь стекло. Его черты были спокойны, а так как он стоял правой стороной к Мин Чжаолиню, хорошо были видны две крошечные родинки под глазом.

Вообще, от Лу Хуэя всегда веяло чем-то неуловимым, будто он не совсем от мира сего. Казалось, стоит моргнуть, и он растворится, как туман.

Или, точнее... будто он случайно попал в этот мир с небес.

Лу Хуэй закончил водить пальцем по стеклу, и повернул голову к Мин Чжаолиню.

Тот сидел в тени, и Лу Хуэй не мог разглядеть его лица, но знал, что тот смотрит. Поэтому он просто вопросительно приподнял бровь:

— ?

Мин Чжаолинь отвёл взгляд, но не стал объяснять, что именно его заинтересовало.

Зато старушка спросила Лу Хуэя:

— Что ты там делал?

— А? — Лу Хуэй улыбнулся. — На стекле следы остались... Похоже, тут висел иероглиф «Си» («□»), и довольно долго, верно?

* «□» (Xǐ) — иероглиф «двойное счастье», традиционно используется на свадьбах. Символизирует брак.

Старушка моргнула, и на лице мелькнуло что-то вроде тоски:

— Да.

Она опустила глаза:

— Повесили... ещё когда сын женился.

В отличие от других деревенских жителей, чьи лица выражали лишь тупое оцепенение, старуха казалась куда живее. Поставив коробку перед Мин Чжаолинем, она добавила:

— Давно это было... Очень давно.

Мин Чжаолинь наклонился и лениво перебирал содержимое коробки. Лу Хуэй подошёл ближе, показав ему знаком, чтобы был аккуратнее, и сам вынул оттуда головоломку «Замок Конфуция*»:

— Эта штука очень старая, но сейчас её вдруг снова стали выпускать.

* 孔明锁 (Kǒngmíng suǒ) - «замок Конфуция» или «замок Кун-Мина» - классическая китайская деревянная головоломка. На самом деле она никак не связана с Конфуцием, её создание приписывают Кун Мину (181-234 гг. н.э.), известному китайскому полководцу и стратегу эпохи Троецарствия, отсюда и название. Это деревянная головоломка, состоящая из нескольких взаимосвязанных элементов, которые нужно разобрать и собрать без использования гвоздей или клея. Она относится к классу «разборных головоломок» и часто используется как символ мудрости, логики и терпения.

Затем он взял ещё одну вещицу — систему сплетённых колец — и, улыбаясь, пояснил Мин Чжаолиню:

— Ты, наверное, не знаешь, что это. Это «девять связанных колец».

Он добавил:

— У меня в детстве тоже была такая. Отец подарил.

Он опустил глаза, и в его взгляде мелькнуло что-то неопределённое:

— Я часто в неё играл.

Мин Чжаолинь взял головоломку из его рук, явно заинтересованный, и начал крутить её в пальцах, размышляя.

Лу Хуэй тем временем присел на корточки рядом со старушкой и спросил:

— Бабуля, а ваш сын... где он сейчас?

На лице старухи появилось тёплое, почти материнское выражение. Она едва улыбнулась:

— Ушёл быть тем героем, каким мечтал стать.

Лу Хуэй слегка замер.

Он смотрел на игрушки в коробке, все они явно из прошлого века, без намёка на что-то современное. Среди развивающих — только «Кольца Конфуция», «девять колец*», но даже кубика Рубика, который был в ходу в нулевые, не было. Остальное — старомодные плюшевые зверюшки с вышитыми вручную традиционными узорами...

* 九连环 (Jiǔ Lián Huán) — «Девять колец» — это классическая китайская логическая головоломка, история которой уходит в эпоху Хань (около 200 гг. до н.э.). Она состоит из девяти металлических колец, нанизанных на металлическую рамку с длинной U-образной штангой. Цель — снять все кольца с рамки, соблюдая строгие правила движения: можно снимать или надевать только то кольцо, которое непосредственно связано с одним или двумя соседними кольцами, и только при определённых условиях.

И вдруг у него возникла смелая, почти шокирующая догадка.

<http://bllate.org/book/12898/1133635>